

УДК 316.74:94(47).084.8

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-5

Исследовательская статья

Константинов М. С.¹
Филоненко В. И.²

Факторы оценки достоверности исторической информации о Великой Отечественной войне в студенческой среде

Южный федеральный университет,
улица Большая Садовая, дом 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия
¹*konstantinov@sfedu.ru*
²*vfilonenko@sfedu.ru*

Аннотация. В условиях трансформации механизмов трансляции коллективной памяти и перехода от «живого свидетельства» к памяти культурной, опосредованной институтами, вопрос достоверности информации приобретает особую остроту. Актуальность темы обусловлена тем, что современная студенческая молодёжь формирует историческое сознание в ситуации множественности интерпретационных моделей и избыточности противоречивых информационных потоков. В этом контексте ключевой исследовательской проблемой выступает недостаточная изученность факторов, определяющих выбор молодёжью стратегий критического осмысления или доверия к контенту о Великой Отечественной войне, а также влияние специфических региональных траекторий социализации на эти процессы. Для решения данной проблемы было проведено социологическое исследование (N=2272, январь-февраль 2025 г., 15 вузов в 5 регионах России), результаты которого, полученные методом бинарной логистической регрессии, показали, что патриотическая самоидентификация (OR=2,72; p<0,001) и высокий интерес к истории (OR=1,77; p<0,001) являются сильнейшими предикторами доверия к официальной трактовке событий. Установлено, что институциональные каналы (вуз, школа) укрепляют доверие к транслируемым смыслам, в то время как преимущественное использование интернет-источников статистически значимо его снижает (OR=0,65; p<0,001). С помощью факторного анализа выделены три типа информационных практик студентов: культурно-образовательный, цифровой и институциональный. Полученные эмпирические данные позволяют сделать вывод, что патриотизм в молодежной среде функционирует как когнитивный фильтр, определяющий селекцию исторической информации. Несмотря на экспансию цифровых медиа, образовательные институты сохраняют статус «зон доверия» в условиях конкуренции нарративов. Обнаруженная региональная вариативность – от высокой неопределенности в новых регионах до максимального доверия в Крыму – подтверждает итоговый вывод о том, что устойчивость исторического сознания напрямую зависит от локальных особенностей политической социализации.

Ключевые слова: историческая память; историческая информация; Великая Отечественная война; студенческая молодёжь; коллективная память; медиаграмотность; патриотизм; региональные различия

Информация для цитирования: Константинов М. С., Филоненко В. И. Факторы оценки достоверности исторической информации о Великой

Отечественной войне в студенческой среде // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 2. С. 68-88. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-5.

Research article

Mikhail S. Konstantinov¹
Viktor I. Filonenko²

Factors of historical information credibility assessment in student environment (Great Patriotic War representations)

Southern Federal University,
105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia

¹konstantinov@sfedu.ru

²vfilonenko@sfedu.ru

Abstract. Amidst the transformation of collective memory transmission mechanisms and the transition from “living testimony” (communicative memory) to cultural memory mediated by institutions, the issue of information credibility acquires particular urgency. The relevance of the study is driven by the fact that today’s university students, acting as “digital natives”, shape their historical consciousness within a landscape of multiple interpretative models and an overabundance of contradictory information flows. In this context, the key research problem lies in the insufficient understanding of the factors that determine whether youth adopt strategies of critical reflection or trust toward historical content concerning the Great Patriotic War, as well as how specific regional trajectories of political socialization influence these processes. To address this issue, a sociological study was conducted (N=2272, January-February 2025, across 15 universities in five Russian regions). The findings, obtained through binary logistic regression, indicate that patriotic self-identification (OR=2.72; p<0.001) and a high interest in history (OR=1.77; p<0.001) serve as the strongest predictors of trust in the official narrative. It was established that institutional channels (universities, schools) strengthen trust in institutional narratives, whereas predominant reliance on Internet sources statistically significantly reduces it (OR=0.65; p<0.001). Factor analysis identified three types of students’ information practices: cultural-educational, digital, and institutional. The empirical data suggest that patriotism in the youth environment functions as a cognitive filter for selecting and evaluating historical information. Despite the expansion of digital media, educational institutions maintain their status as “zones of trust” amidst the competition of narratives. The observed regional variability – ranging from high uncertainty in the newly incorporated regions to maximum trust in Crimea – underscores the final conclusion that the stability of youth historical consciousness is directly dependent on the specific local trajectories of political socialization.

Keywords: historical memory; historical information; Great Patriotic War; student youth; collective memory; media literacy; patriotism; regional differences

Information for citation: Konstantinov, M. S., Filonenko, V. I. (2026), “Factors of historical information credibility assessment in student environment (Great Patriotic War representations)”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (2), 68-88, DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-5.

Введение (Introduction). Великая Отечественная война занимает центральное место в коллективной памяти россиян

(Историческая память..., 2023; 2024), выступает ключевым элементом национальной идентичности и

гражданского самосознания: 98% россиян считают, что в наши дни важно сохранять память о событиях 1941-1945 годов (среди молодых людей 18-24 лет таковых 97%). По данным ВЦИОМ, 96% россиян считают знание истории России важным, при этом 53% сталкивались с намеренным искажением исторических фактов¹. На фоне такой значимости исторического знания особую актуальность приобретает вопрос о том, как именно формируется восприятие достоверности информации о войне у различных социальных групп.

Студенческая молодёжь представляет в этом отношении особый исследовательский интерес (Константинов, Подшибякина, Поцелуев и др., 2021). Данная группа находится в процессе интенсивной социализации и восприимчива к различным источникам информации. Вместе с тем современные студенты являются «цифровыми аборигенами», для которых интернет выступает естественной информационной средой, что создаёт как возможности, так и риски в отношении качества потребляемого исторического контента (Зубок, Чупров, 2020). Эта двойственность делает механизмы формирования исторического сознания молодёжи предметом, требующим целенаправленного эмпирического анализа.

Цель настоящего исследования – выявление и анализ факторов, определяющих оценку студенческой молодёжью достоверности информации о Великой Отечественной войне. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи: определение основных источников информации о войне и их дифференцированного влияния на восприятие достоверности; анализ связи патриотических установок и интереса к истории с критичностью восприятия; выявление региональной специфики оценок.

Научная новизна исследования определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, историческое сознание студентов традиционных российских регионов и новых территорий (ДНР и ЛНР) впервые сопоставляется систематически, что позволяет зафиксировать различия в траекториях политической социализации. Во-вторых, применение методов бинарной логистической регрессии выводит анализ за рамки простых корреляций, поскольку модель позволяет оценить направление и силу влияния каждого фактора на оценку достоверности.

Методология и методы (Methodology and Methods).

Теоретическим фундаментом настоящего исследования служит концепция коллективной памяти, разработанная Морисом Хальбваксом. В работах «Социальные рамки памяти» (1925) и «Коллективная память» (1950) он обосновал тезис о социальной обусловленности индивидуальной памяти (Хальбвакс, 2007: 39). Применительно к нашему исследованию это означает, что оценка студентами достоверности информации о войне определяется принадлежностью к социальным группам – семье, образовательному сообществу, региональному сообществу, – каждая из которых формирует собственные «рамки памяти».

Особое значение имеет разграничение Хальбваксом автобиографической и исторической памяти. Автобиографическая связана с непосредственным опытом индивида или его близких, тогда как историческая опосредована институциональными практиками и медиа. Для современных студентов Великая Отечественная война относится преимущественно к сфере исторической памяти, хотя сохраняются и элементы автобиографической – через семейные нарративы и реликвии.

¹ ВЦИОМ. Фальсификация истории – и как с ней бороться? 14.09.2022. URL: [https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski)

obzor/falsifikacija-istorii-i-kak-s-nei-borotsja (дата обращения: 15.01.2026).

Развитие проблематики коллективной памяти получила в работах Пьера Нора. Он ввёл понятие «места памяти» для обозначения материальных и символических объектов, в которых кристаллизуется коллективная память: монументов, музеев, ритуалов, символов (Нора, 1999: 17-50). Нора обращает внимание на то, что сама потребность в «местах памяти» указывает на утрату органической связи с прошлым: общество начинает целенаправленно конструировать и закреплять память тогда, когда та уже не воспроизводится спонтанно, в ходе повседневного существования. В этой перспективе музеи, мемориалы, парады Победы и акция «Бессмертный полк» представляют собой не столько проявления «живой» традиции, сколько институциональные механизмы, призванные компенсировать её ослабление.

Я. Ассман разделил коллективную память на два типа – «коммуникативную» и «культурную» (Ассман, 2004: 54-59). Первая опирается на устное общение в кругу близких и охватывает горизонт примерно трёх-четырёх поколений, то есть 80-100 лет. Вторая закреплена в институтах, поддерживается специализированными носителями и способна удерживать значительно более глубокие пласты прошлого. Сегодня, спустя восемь десятилетий после 1945 года, мы подошли к самой границе коммуникативной памяти. Данные нашего исследования подтверждают это: только 32,5% студентов назвали встречи с ветеранами среди своих источников информации о войне. Иначе говоря, происходит неизбежный сдвиг – память о войне покидает пространство живого общения и всё полнее переходит в область культурных институтов.

Начиная с нулевых лет XXI века в Российской Федерации крайне остро встал вопрос о сохранении правды об истории развития страны с древнейших времен до

дней сегодняшних. Историческая информация, ее правдивость, истинность и непрерывность отечественной истории обосновывались как важнейший ресурс консолидации российского общества, формирования исторической памяти всех слоев и этносов России (Горшков, Бараш, 2024; Прошлое для настоящего..., 2020; Репина, 2005). Именно в этот период историческая память о Великой Отечественной войне правомерно характеризуется как стержневой элемент коллективной идентификации (Гудков, 2005).

Исследования ВЦИОМ² показывают, что Великая Отечественная война, несмотря на смену поколений, сохраняет свою фундаментальную значимость для россиян, является единственным событием XX века, консолидирующим российское общество. Отечественные социологи М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги также подчёркивают отсутствие существенных различий в структуре исторического сознания молодого и старшего поколений россиян в отношении к памяти о Великой Отечественной войне (Горшков, Шереги, 2010: 35-36). При этом О. Ю. Малинова анализировала конфликтные отношения между официальной версией памяти о Великой Победе с «фальсификациями истории» (Малинова, 2015: 115-127), а Б. В. Дубин отмечал тенденцию к ритуализации памяти о войне при утрате связи с конкретным историческим знанием (Дубин, 2004: 73). Ж. Т. Тощенко подчёркивал необходимость различать эмоционально окрашенную «историческую память» и стремящееся к объективности «историческое знание» (Тощенко, 2000: 7).

Огромное значение при реализации настоящего проекта имели многолетние мониторинговые исследования социологов из Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Москвы, Тюмени по изучению исторической памяти российского студенчества о Великой Отечественной

² 9 мая и память о Великой войне. Аналитический обзор ВЦИОМ // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie>

obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine
обращения: 15.01.2026).

(дата

войне и формированию патриотизма и гражданственности (Современное российское студенчество..., 2011; Война была позавчера..., 2015; Спасибо прадеду за победу..., 2020; Память сильнее времени..., 2025), ростовских ученых по данной проблеме (Филоненко, Штомпель..., 2015; Историческая память..., 2023).

На основании изложенного оценка студентами достоверности информации рассматривается как функция нескольких групп факторов: источников информации, формирующих «социальные рамки памяти»; идентификационных факторов (патриотическая самоидентификация); практик памяти (хранение реликвий, участие в коммеморациях); регионального контекста.

Эмпирическую базу исследования составили данные социологического опроса, проведённого в декабре 2024 – феврале 2025 г. методом онлайн-анкетирования. Генеральная совокупность – студенты государственных вузов пяти регионов России (Ростовская и Белгородская области, республика Крым, Донецкая и Луганская народные республики). Выборочная совокупность составила 2272 респондента из 15 образовательных организаций высшего образования.

Несмотря на преобладание респондентов из Ростовской области, региональный анализ проводился на основе относительных показателей внутри каждой подгруппы, что позволяет корректно сопоставлять структуру ответов. Статистически значимые межрегиональные различия ($\chi^2=30,80$; $p=0,002$) подтверждают содержательную дифференциацию даже при различающихся объёмах подвыборок.

Гендерное распределение выборки: 55,6% женщин, 44,4% мужчин. Распределение по курсам обучения: 1 курс – 31,8%, 2 курс – 17,1%, 3 курс – 17,1%, 4 курс – 15,4%, 5 курс: 7,6%, магистратура и аспирантура – 10,9%.

Зависимая переменная – оценка достоверности информации о ВОВ: «Освещается объективно и честно»,

«Факты частично искажаются», «Факты искажаются в большей степени», «Затрудняюсь ответить». Для целей логистической регрессии переменная была дихотомизирована: 1 – «освещается объективно», 0 – «искажается»; затруднившиеся исключены из регрессионного анализа.

Объединение вариантов «частично искажается» и «искажается в большей степени» в единую категорию «0» (критическое отношение) обусловлено исследовательской задачей: выявлением факторов, определяющих именно безусловное доверие к официальному нарративу. Такая операционализация позволяет идентифицировать «жёсткие» предикторы доверия, отделяя респондентов с однозначно позитивной оценкой от всех остальных. Исключение затруднившихся с ответом (11,4%) из регрессионного анализа является стандартной практикой, поскольку данная категория не может быть содержательно отнесена ни к одному из полюсов.

Независимые переменные включали: источники информации о войне (множественный выбор из 14 категорий, каждая перекодирована в бинарную переменную); патриотическую самоидентификацию (бинарная: патриот / не патриот); интерес к истории войны (бинарная: высокий / остальные); индикаторы семейной памяти (участие родственников в ВОВ, хранение реликвий, участие в «Бессмертном полку»); регион; социально-демографические характеристики (пол, курс, тип населённого пункта, образование родителей).

Статистический анализ проводился в программной среде R версии 4.3.2. Применялись: описательная статистика; бинарная логистическая регрессия (пошаговое включение предикторов, оценка OR с 95% ДИ, качество модели по Pseudo R² Нагелькерке и AIC); факторный анализ источников информации (ML, Varimax); анализ таблиц сопряжённости (χ^2 , V Крамера).

Необходимо отметить ограничения исследования: выборка не является вероятностной; преобладание респондентов из Ростовской области может смещать общие показатели; самооценочные показатели подвержены эффекту социальной желательности. Относительно невысокое значение Pseudo R² (Nagelkerke) = 0,077 является типичным для исследований социальных установок, где на изучаемый феномен влияет множество латентных психологических, биографических и ситуативных факторов, не поддающихся операционализации в рамках анкетного опроса. Целью регрессионного анализа в данном случае выступало не исчерпывающее объяснение дисперсии зависимой переменной, а выявление статистически значимых предикторов и определение направления и силы их влияния (отношения шансов).

Аналогичные значения R² фиксируются в работах по политическим установкам и исторической памяти (см., например, исследования на данных European Social Survey).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анализ источников информации о войне выявил сложную картину информационного потребления студенческой молодёжи (Таблица 1). Среди источников информации о войне первенство удерживают образовательные институты: на школу сослались 60,9% опрошенных, на вуз – 44,6%. Образовательная система, таким образом, по-прежнему остаётся для студентов главным каналом получения исторического знания, хотя число альтернативных источников неуклонно растёт.

Таблица 1

Распределение источников информации о ВОВ
(множественный выбор, % от числа респондентов)

Table 1

Distribution of information sources about the Great Patriotic War
(multiple choice, % of respondents)

Источник информации / Source of information	%
Школа / School	60,9
Документальные фильмы / Documentaries	48,6
Высшее учебное заведение / Higher education institution	44,6
Рассказы родственников / Stories of relatives	36,7
Встречи с ветеранами / Meetings with veterans	32,5
Художественные фильмы / Feature films	31,7
Музеи, мемориалы / Museums and memorials	27,7
Интернет-источники / Online sources	21,7
Художественная литература / Artistic literature	19,8
СМИ / The media	11,9
Рассказы друзей / Stories from friends	9,2
Компьютерные игры / Computer games	6,8
Театр / Theatre	5,3

На втором месте – документальные фильмы (48,6%). Этот показатель отражает сложившиеся привычки медиапотребления: видеоконтент воспринимается молодой аудиторией как более понятный и убедительный, нежели

печатный текст. Характерно, что документальное кино оказалось востребованнее художественного.

Рассказы родственников по-прежнему играют заметную роль – их отметили 36,7% студентов. Тем не менее

семья как канал передачи памяти уступает и образовательным институтам, и медиа, что вписывается в логику перехода от коммуникативной памяти к культурной (в терминологии Я. Ассмана).

Встречи с ветеранами упомянули 32,5% респондентов; этот показатель год от года сокращается по понятным демографическим причинам. Интернет (21,7%) расположился лишь на седьмой позиции, заметно отставая от традиционных каналов. Что касается

компьютерных игр, то их назвали всего 6,8% опрошенных – цифра, ставящая под сомнение расхожие опасения относительно «геймификации» исторического знания.

Сферы восприятия искажений и достоверной информации. Респондентам было предложено определить, в каких сферах, на их взгляд, информация о войне искажается, а в каких подается наиболее достоверно. Ответы обнаружили резкий контраст в восприятии разных каналов (Таблица 2).

Таблица 2

Сферы искажений и достоверной информации о ВОВ (%)

Table 2

Areas of distortion and reliable information about the Great Patriotic War (%)

Сфера / Areas	Искажения / Distortion	Достоверность / Reliability
Интернет / The Internet	51,5	18,5
ТВ (передачи, сериалы) / TV (shows, TV series)	49,8	21,0
Кинематограф / Cinema	37,5	21,7
СМИ / The media	34,6	12,2
Театральные постановки / Theatrical productions	24,9	4,0
Компьютерные игры / Computer games	17,9	4,8
Школьное образование / School education	6,6	37,6
Вузовское образование / University education	5,0	45,2
Художественная литература / Artistic literature	5,4	35,8
Рассказы родственников / Stories of relatives	3,2	25,4
Музеи, мемориалы / Museums and memorials	1,4	3,2

Интернет занял первое место среди сфер искажений – на него указали 51,5% респондентов, тогда как достоверным его считают лишь 18,5%. Возникает примечательное противоречие: студенты пользуются интернетом как источником сведений о войне (21,7%), но при этом относятся к нему с выраженным недоверием. Перед нами, по сути, формирующийся медиаскептицизм.

Телевидение (49,8%) и кинематограф (37,5%) тоже попали в зону недоверия. Однако это не противоречит высокому рейтингу документальных фильмов (48,6% как источник информации): студенты, по всей видимости, разводят

документалистику и «телевизор» / «кино» как разные категории.

Совершенно иная картина у институционального образования. Вузовское образование получило наивысшую оценку достоверности (45,2%), а показатель искажений оказался минимальным (5,0%). Школа демонстрирует схожее соотношение (37,6% против 6,6%). Это существенный результат: вопреки рассуждениям о «кризисе доверия к институтам», в сфере исторического знания образовательная система сохраняет для студентов высокий авторитет.

Музеи и мемориалы почти никто не воспринимает как источник искажений –

всего 1,4%, что является минимальным значением по всей выборке. Здесь эмпирически подтверждается концепция «мест памяти» П. Нора (Нора, 1999): пространства, специально отведённые для хранения памяти, наделяются в глазах студентов особым кредитом доверия.

Оценка объективности освещения Великой Отечественной войны. Ответы на центральный вопрос исследования обнаружили раскол в студенческой среде. Объективным и честным освещением событий считают 42,3% опрошенных; 40,1% полагают, что факты частично искажаются; 6,3% говорят о значительных искажениях; ещё 11,4% не смогли определиться. Студенчество, таким образом, делится почти поровну на тех, кто доверяет существующему нарративу, и тех, кто относится к нему критически. Доля неопределившихся – свыше 11% – говорит о том, что у заметной части молодых людей позиция по этому вопросу попросту не сформирована.

Для контекста: согласно данным ВЦИОМ³, 53% россиян сталкивались с намеренным искажением исторических фактов, а 87% считают борьбу с фальсификацией необходимой. На фоне общероссийских данных уровень доверия среди студентов несколько выше (42,3% против примерно 40%).

Факторы, определяющие оценку достоверности. Для определения предикторов доверия к объективности освещения войны была построена серия моделей бинарной логистической регрессии. В итоговую модель вошли источники информации, переменные идентификации, индикаторы семейной

памяти и социально-демографические контроли (Таблица 3).

Наиболее мощным предиктором оказалась патриотическая самоидентификация: те, кто считает себя патриотом, в 2,72 раза чаще признают освещение войны объективным ($p < 0,001$). Полученный результат перекликается с концепцией «аффективного патриотизма» Р. Шатца и коллег (Schatz, Staub, Lavine, 1999: 153). Эмоциональная привязанность к стране порождает своего рода когнитивную защиту: информация, которая расходится с позитивным образом нации, вытесняется или обесценивается.

Высокий интерес к истории войны тоже статистически значимо повышает доверие ($OR=1,77$; $p < 0,001$). Казалось бы, чем больше человек интересуется темой, тем критичнее он должен быть. Но в данном случае, по всей видимости, «интерес» фиксирует скорее эмоциональную включённость, чем аналитическую.

Образовательные институты значимо укрепляют доверие к нарративу. Школа даёт $OR=1,46$ ($p < 0,001$), вуз – $OR=1,35$ ($p=0,002$); оба канала транслируют нарратив, воспринимаемый студентами как авторитетный. Положительный эффект обнаружен и у художественных фильмов ($OR=1,39$; $p=0,002$). Встречи с ветеранами показывают связь того же направления, но она не достигает статистической значимости ($OR=1,19$; $p=0,104$).

Интернет действует в противоположном направлении: студенты, обращающиеся к нему за информацией о войне, в полтора раза реже признают освещение объективным ($OR=0,65$; $p < 0,001$).

³ ВЦИОМ. Фальсификация истории – и как с ней бороться? 14.09.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie>

obzor/falsifikacija-istorii-i-kak-s-nei-borotsja (дата обращения: 15.01.2026).

Таблица 3

Результаты бинарной логистической регрессии

Table 3

Binary logistic regression results

Предиктор / The predictor	OR	95% ДИ / 95% DI	p
Патриотизм (да vs нет) / Patriotism (yes vs no)	2,719	1,89–3,99	<0,001
Высокий интерес к истории ВОВ / High interest in the history of the Great Patriotic War	1,766	1,45–2,15	<0,001
Источник: Школа / Source: School	1,455	1,19–1,78	<0,001
Источник: Вуз / Source: University	1,350	1,11–1,64	0,002
Источник: Художественные фильмы / Source: Feature Films	1,387	1,13–1,71	0,002
Источник: Встречи с ветеранами / Source: Meetings with Veterans	1,186	0,97–1,46	0,104
Источник: Рассказы родственников / Source: Stories of relatives	0,809	0,66–0,99	0,035
Источник: Интернет / Source: Internet	0,649	0,51–0,83	<0,001
Источник: Документальные фильмы / Source: Documentaries	0,808	0,66–0,99	0,040
Хранение семейных реликвий / Storage of family heirlooms	1,327	1,02–1,73	0,035
Регион: Крым vs Ростовская обл. / Region: Crimea vs Rostov region	1,545	0,96–2,50	0,074
Регион: Новые регионы vs Ростовская обл. / Region: New regions vs Rostov region.	1,263	0,97–1,64	0,081
Пол (муж. vs жен.) / Gender (male vs female)	1,151	0,95–1,40	0,160

Примечание: N=2013, Pseudo R² (Nagelkerke)=0,077, AIC=2620

С документальными фильмами ситуация неоднозначна. Будучи вторым по популярности источником (48,6%), они при этом статистически значимо связаны со снижением доверия (OR=0,81; p=0,040). Объяснений здесь может быть несколько. Документалистика о войне неоднородна: наряду с официально одобренными лентами существует немало критических, авторских работ. Кроме того, документальный жанр по природе апеллирует к «фактам» и «свидетельствам», а это способно подталкивать зрителя к более рефлексивному отношению к любому историческому нарративу. Наконец, возможна и обратная причинность: критически настроенные студенты могут целенаправленно разыскивать альтернативную документалистику.

Заслуживает внимания и эффект художественной литературы о войне: она тоже статистически значимо снижает доверие (OR=0,74; p=0,015). Вероятное объяснение состоит в том, что литературные тексты о войне зачастую предлагают усложнённые, амбивалентные образы, не вполне совпадающие с официальной трактовкой, хотя для проверки этой гипотезы нужно отдельное исследование.

Формы семейной памяти влияют на доверие разнонаправленно. Хранение реликвий его повышает (OR=1,33; p=0,035), а рассказы родственников – напротив, снижают (OR=0,81; p=0,035). Расхождение, вероятно, объясняется тем, что устные семейные нарративы нередко содержат оценки и подробности, не совпадающие с официальной версией событий.

Гендерных различий в доверии к освещению войны не выявлено ($p=0,160$).

Факторная структура информационных практик. Для выявления латентной структуры информационных практик проведён факторный анализ 13 бинарных переменных источников информации. Тест КМО составил 0,68, что интерпретируется как приемлемая адекватность данных. Тест сферичности

Бартлетта: $\chi^2=1712,59$ ($df=78$), $p<0,001$.

Параллельный анализ предложил извлечение пяти факторов, однако 3-факторное решение было выбрано на основании критерия содержательной интерпретируемости: дополнительные критерии содержали единичные переменные с невысокими нагрузками и не образовывали теоретически осмысленных группировок.

Таблица 4
Факторные нагрузки (Varimax-ротация, пороговое значение 0,30)

Table 4

Factor loads (Varimax-rotation, threshold value 0.30)

Источник / Source	Фактор 1 / Factor 1	Фактор 2 / Factor 2	Фактор 3 / Factor 3
Документальные фильмы / Documentaries	0,55		
Художественная литература / Artistic literature	0,45		
Художественные фильмы / Feature films	0,40		
Музеи, мемориалы / Museums and memorials	0,40		
Театр / Theatre	0,34		
Интернет / The Internet		0,62	
Компьютерные игры / Computer games		0,43	
СМИ / The media		0,31	
Вуз / University			0,36
Встречи с ветеранами / Meetings with veterans			0,38
Школа / School			0,29
Рассказы родственников / Stories of relatives			0,27

Выделенные три фактора объясняют 19% совокупной дисперсии (Таблица 4). Относительно невысокий показатель типичен при факторизации бинарных переменных, поскольку корреляции Пирсона между дихотомическими индикаторами ограничены сверху и систематически занижают латентные связи. Вместе с тем показатели качества модели находятся в приемлемых пределах ($RMSEA=0,036$; $RMSR=0,03$), а выделенные факторы устойчивы и соответствуют теоретическим ожиданиям.

Первый фактор – культурно-образовательный – вообрал в себя документальное и художественное кино, литературу, музеи и театр. По существу, речь идёт о традиционных способах

приобщения к историческому прошлому через институты культуры; в терминологии Я. Ассмана это область «культурной памяти».

Второй фактор – цифровой – объединил интернет, компьютерные игры и отчасти СМИ. Здесь зафиксированы медиапрактики, типичные именно для поколения, выросшего в цифровой среде.

Третий фактор – институциональный – включил вуз, школу и встречи с ветеранами, то есть формализованные каналы, через которые историческое знание транслируется целенаправленно.

Полученная факторная структура свидетельствует о том, что студенты не потребляют информацию хаотично: их информационные практики складываются в

устойчивые конфигурации, каждая из которых соотносится с определённым модулем коллективной памяти.

Региональная специфика. Межрегиональное сравнение зафиксировало статистически значимые расхождения в оценках достоверности ($\chi^2=30,80$; $df=12$; $p=0,002$). Поскольку объёмы региональных

подвыборок существенно различаются, сопоставление велось по относительным показателям – процентным распределениям внутри каждой подгруппы, что позволяет корректно сравнивать структуру ответов вне зависимости от абсолютного числа респондентов. Распределение приведено в Таблице 5.

Таблица 5

Оценка достоверности освещения ВОВ по регионам (%)

Table 5

Assessment of the reliability of the Great Patriotic War coverage by region (%)

Регион / The region	Объективно / Objectively	Частично искажается / Partially distorted	Сильно искажается / Heavily distorted,	Затрудняюсь / Difficult to answer
Ростовская область / Rostov region	43,7	40,6	6,0	9,6
Белгородская область / Belgorod region	36,2	44,6	6,9	12,3
Республика Крым / Republic of Crimea	49,5	29,9	6,2	14,4
Новые регионы / New regions	37,0	38,9	6,8	17,2

Наибольшее доверие к объективности освещения войны обнаружилось у студентов Республики Крым – 49,5%, что почти на 6 процентных пунктов превышает ростовский показатель. Этому можно найти несколько объяснений: активная политика памяти, развёрнутая на полуострове после 2014 года; особенности политической социализации молодёжи, для которой российская принадлежность ассоциируется с осознанным выбором; наконец, собственная военная история Крыма – оборона Севастополя, партизанское движение, – делающая тему войны частью локальной идентичности.

В новых регионах (ДНР и ЛНР) ситуация иная: доверие ниже (37,0%), а доля тех, кто затруднился с ответом, заметно выше (17,2%). За этими цифрами стоит переходное состояние идентичности молодёжи данных территорий. Восемь лет – с 2014 по 2022 год – студенты формировались в условиях, когда украинский и российский нарративы

конкурировали за их внимание (Арутюнова, Щеголькова, 2026). Большое число затруднившихся указывает на то, что перед нами не безразличие, а скорее рефлексивная неопределённость: осознание сложности вопроса при столкновении с взаимоисключающими интерпретациями.

Белгородская область демонстрирует наименьший уровень доверия среди всех регионов (36,2%), что может быть связано с близостью к зоне боевых действий и травматическим контекстом актуализации памяти о Великой Отечественной войне (Шаповалова, 2016; Лебедев, Шаповалова, Рощупкина, Шкапенко, 2020). Ростовская область показывает близкие к среднему показатели (43,7%).

Восприятие обвинений в адрес СССР. Важным индикатором исторического сознания выступает отношение к обвинениям в адрес СССР в связи с событиями Второй мировой войны (Таблица 6).

Оценка справедливости обвинений в адрес СССР в развязывании Второй мировой войны (%)
Table 6
Assessment of the justice of accusations against the USSR in unleashing the World War II (%)

Оценка / Assessment	Всего / Total	Ростов / Rostov	Белгород / Belgorod	Крым / Crimea	Новые регионы / New Regions
Не справедливы абсолютно / Absolutely unfair	58,0	61,9	53,1	62,9	43,6
В чём-то справедливы / In some ways, they are fair	16,3	15,2	22,3	20,6	17,9
Справедливы полностью / They are completely fair	1,7	1,4	3,8	0,0	2,6
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	23,9	21,5	20,8	16,5	35,8

$\chi^2=65,83$; $df=9$; $p<0,001$

Большинство студентов (58%) считают обвинения в адрес СССР абсолютно несправедливыми. Это согласуется с общероссийскими данными: по опросам ВЦИОМ⁴, подавляющее большинство россиян негативно оценивают попытки возложить на СССР ответственность за развязывание войны.

Региональная дифференциация воспроизводит паттерн, выявленный для оценки достоверности. В Крыму доля отвергающих обвинения максимальна (62,9%), при этом ни один респондент не выбрал вариант «справедливы полностью». В новых регионах доля отвергающих минимальна (43,6%), а доля затруднившихся рекордна (35,8%). Белгородская область выделяется относительно высокой долей признающих частичную справедливость обвинений (22,3%).

Аспекты истории Великой войны, подвергающиеся фальсификации. Студентам предлагалось указать, какие аспекты истории ВОВ, по их мнению, чаще всего подвергаются фальсификации (Таблица 7). Наиболее проблемной сферой

студенты считают предвоенную политику советского руководства (38,5%) – тему, являющуюся ареной острых интерпретационных конфликтов (пакт Молотова – Риббентропа, раздел Польши, советско-финская война).

Высокая доля затруднившихся с ответом (28%) свидетельствует о недостаточной рефлексии проблематики фальсификаций. Примечательно, что «роль СССР в Победе» – тема, вокруг которой сосредоточена риторика о «фальсификации истории» в официальном дискурсе, – занимает лишь 12-е место (9,6%).

Причины фальсификаций в восприятии студентов. Анализ представлений о причинах фальсификаций позволяет понять, какие объяснительные модели доминируют в сознании студентов (Таблица 8). Доминируют корыстная («явная ложь из-за выгод» – 32,7%) и эпистемическая («некомпетентность» – 30,3%) объяснительные модели. Геополитическая модель («информационная война против России») занимает третье место (25,2%), несмотря на

⁴ ВЦИОМ. Фальсификация истории – и как с ней бороться? 14.09.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie>

obzor/falsifikacija-istorii-i-kak-s-nei-borotsja (дата обращения: 15.01.2026).

её активное продвижение в официальном дискурсе. Высокая доля затруднившихся (30,3%) подтверждает недостаточную

проработанность данной проблематики в сознании студентов.

Таблица 7

Аспекты истории ВОВ, подвергающиеся фальсификации (%)

Table 7

Aspects of the Great Patriotic War history that are subject to falsification (%)

Аспект / Aspect	%
Деятельность советского руководства накануне войны / The activities of the Soviet leadership on the eve of the war	38,5
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	28,0
Результаты и итоги важнейших сражений / Results and outcomes of the most important battles	24,8
Подвиги советских солдат и офицеров / Exploits of Soviet soldiers and officers	23,3
Преступления немецко-фашистских захватчиков / Crimes of the Nazi invaders	20,6
Деятельность Сталина как главнокомандующего / Stalin's activities as Commander-in-chief	20,1
Жизнь советского тыла / The life of the Soviet rear	19,9
Роль открытия Второго фронта / The role of opening the Second Front	19,8
Поражения Красной Армии в начале войны / Defeats of the Red Army at the beginning of the war	19,5
Людские потери СССР / Human losses of the USSR	13,9
Освобождение Восточной Европы / Liberation of Eastern Europe	13,3
Роль СССР в Победе / The role of the USSR in the Victory	9,6

Таблица 8

Причины фальсификаций истории ВОВ в восприятии студентов (%)

Table 8

The reasons for falsifications of the history of Great Patriotic War in the perception of students (%)

Причина / The reason	%
Явная ложь из-за материальных и иных выгод / Blatant lies for material and other benefits	32,7
Профессиональная некомпетентность и дилетантизм / Professional incompetence and dilettantism	30,3
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	30,3
Информационная война против России / The information War against Russia	25,2
Демонстрация лояльности политическим группам / Demonstrating loyalty to political groups	16,8
Следование авторитету западных учёных / Following the authority of Western scientists	14,3
Следование авторитету отечественных учёных / Following the authority of domestic scientists	11,8
Идеологические соображения / Ideological considerations	8,1

Патриотизм как когнитивный фильтр исторической информации.
Выявленная тесная связь патриотической

самоидентификации с доверием к официальной трактовке военной истории требует теоретического осмысления.

Патриотизм в данном контексте функционирует не просто как ценностная ориентация, но как когнитивный фильтр, определяющий селекцию и интерпретацию исторической информации (Константинов, Липец, Пупыкин, Тупаев, 2024).

Р. Шатц, Э. Стауб и Х. Лавин разграничили «слепой» (blind) и «конструктивный» (constructive) патриотизм (Schatz, Staub, Lavine, 1999: 151-174). Слепой патриотизм характеризуется не критичной привязанностью к стране, нетерпимостью к критике. Конструктивный патриотизм совместим с критическим отношением и стремлением к улучшению имиджа страны. Наши данные не позволяют дифференцировать эти типы, однако выявленная связь с не критичным восприятием исторического нарратива скорее указывает на преобладание «слепого» модуля.

Вместе с тем альтернативная интерпретация также возможна. Доверие к объективности освещения может быть не следствием, а предпосылкой патриотической идентификации: тот, кто воспринимает национальную историю как объективно представленную, с большей вероятностью гордится принадлежностью к нации. Кросс-секционный дизайн исследования не позволяет разрешить эту дилемму.

Институциональное доверие в эпоху постправды. Сохранение высокого авторитета образовательных институтов (школы, вуза) в вопросах исторического знания представляет собой значимый результат, контрастирующий с нарративом о «кризисе институтов» и «эпохе постправды». Студенты, критически относящиеся к интернету и медиа, продолжают доверять формальному образованию.

Этот феномен может объясняться несколькими причинами. Во-первых, образование – единственный институт, с которым студенты имеют длительный и интенсивный личный опыт взаимодействия; персонализированное

доверие к конкретным учителям и преподавателям переносится на институт в целом. Во-вторых, образование ассоциируется с «научностью», верифицируемостью, в противовес «хаосу» интернета.

Для системы высшего образования это означает наличие значительного ресурса влияния на историческое сознание молодёжи. Однако этот ресурс накладывает и ответственность: транслируемое знание должно соответствовать критериям научности, а не просто воспроизводить официальный нарратив.

Интернет: источник информации и сфера недоверия. Парадокс одновременного использования интернета как источника информации (21,7%) и восприятия его как главной сферы искажений (51,5%) заслуживает особого внимания. Студенты осознают проблематичность интернет-контента, но продолжают его потреблять – либо за неимением альтернатив, либо в расчёте на собственную способность отличить достоверное от ложного.

Это состояние можно охарактеризовать как «скептическое потребление» – использование источника при отсутствии к нему доверия. Такая позиция амбивалентна: скептицизм сам по себе не обеспечивает защиты от манипуляций без конкретных навыков верификации (Бродовская, Домбровская, Пырма, 2019; Линченко, Трутенко, 2023).

Выявленное снижение доверия у пользователей интернета (OR=0,65) может интерпретироваться двояко. Оптимистическая интерпретация: интернет знакомит пользователей с разнообразием точек зрения, стимулируя критическое мышление. Пессимистическая: люди с изначально низким доверием чаще ищут в интернете альтернативную информацию. Вероятно, действуют оба механизма.

Трансформация семейной памяти. Семейный канал трансляции памяти о войне сохраняет значимость, но его характер трансформируется. Рассказы родственников о событиях 1941-1945 годов

указали 36,7% студентов, при этом в регрессионной модели данный предиктор оказался статистически значимым, но отрицательным (OR=0,81; p=0,035): студенты, получающие информацию от родственников, реже доверяют официальной трактовке событий. Напротив, хранение семейных реликвий повышает доверие (OR=1,33; p=0,035).

Этот парадоксальный результат требует интерпретации. Семейные нарративы нередко содержат нюансы и оценки, расходящиеся с официальной версией: критические замечания о военном руководстве, бытовые трудности, несправедливости. Материальные артефакты (награды, благодарности, фотографии, письма) служат скорее символами героизма, не неся критического содержания. Задача образовательной системы – помочь молодёжи «прочитать» эти материальные свидетельства, встроить их в осмысленный исторический контекст.

Сопоставление с данными социологических служб. Полученные результаты в целом согласуются с данными ведущих российских социологических служб⁵, что повышает их валидность.

Результаты исследования целесообразно соотнести с данными ведущих центров изучения общественного мнения, фиксирующих массовые

представления о Великой Отечественной войне, практиках памяти и восприятии искажений исторического прошлого.

Во-первых, внешние опросы подтверждают исключительный символический статус Победы в общественном сознании. По данным Левада-Центра⁶, 75% россиян называют День Победы самым важным праздником, а ВЦИОМ фиксирует почти полный общественный консенсус относительно необходимости сохранения памяти о войне (98%)⁷. Эти данные задают общий контекст высокой нормативной значимости темы и объясняют повышенную чувствительность респондентов к вопросам достоверности исторического нарратива.

Во-вторых, массовые опросы показывают устойчивое присутствие темы «фальсификации истории» в общественном дискурсе. Согласно ВЦИОМ⁸, 53% россиян сталкивались с намеренным искажением исторических фактов, а подавляющее большинство считает необходимым противодействовать таким практикам. Тем самым вопрос о достоверности исторической информации оказывается не узкоакадемическим, а уже вписанным в повседневные объяснительные схемы массового сознания.

Данные ФОМ, в свою очередь, подкрепляют вывод о значимости

⁵ ВЦИОМ. Фальсификация истории – и как с ней бороться? 14.09.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/falsifikacija-istorii-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 15.01.2026); ВЦИОМ. Чтобы помнили! 19.04.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtoby-pomnili> (дата обращения: 15.01.2026); Историческая память россиян о Великой Отечественной войне. Презентация ВЦИОМ // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/istoricheskaja-pamjat-rossijan-o-velikoi-otechestvennoi-voine> (дата обращения: 15.01.2026); 9 мая и память о Великой войне. Аналитический обзор ВЦИОМ // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine> (дата обращения: 15.01.2026); ФОМ. Великая Отечественная войны – освещение в СМИ и рассказы очевидцев. URL: <https://fom.ru/proshloe/12156> (дата обращения:

15.01.2026); ФОМ. Память о войне. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14396> (дата обращения: 15.01.2026); ФОМ. Память о войне: семейные истории и современные киноленты. URL: <https://fom.ru/Proshloe/15182> (дата обращения: 15.01.2026).

⁶ Признан Минюстом России иноагентом.

⁷ Левада-Центр. Россияне о важных праздниках и планах на 1 и 9 Мая. 29.04.2025. URL: <https://www.levada.ru/2025/04/29/rossiyane-o-vazhnyh-prazdnikah-i-planah-na-1-i-9-maya/> (дата обращения: 15.01.2026); ВЦИОМ. Чтобы помнили! 19.04.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtoby-pomnili> (дата обращения: 15.01.2026).

⁸ ВЦИОМ. Фальсификация истории – и как с ней бороться? 14.09.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/falsifikacija-istorii-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 15.01.2026).

семейного канала передачи памяти. Согласно опросам, примерно половина россиян слышали рассказы родственников о войне, а 48% хранят семейные реликвии военных лет⁹. Эти цифры согласуются с результатами нашего исследования и помогают объяснить, почему разные формы семейной памяти действуют в противоположных направлениях: вещественные реликвии функционируют как символы героической преемственности, тогда как устные рассказы нередко несут в себе более сложные, неоднозначные оценки.

Наконец, сопоставление оценок достоверности обнаруживает расхождение между студенческой аудиторией и населением в целом. По данным ФОМ, 70% россиян полагают, что история войны освещается правдиво¹⁰; в нашей выборке аналогичную позицию заняли 42,3%. Разрыв может быть обусловлен как более критичным медиапотреблением студентов, так и различиями в формулировках вопросов. При всём этом результаты не выпадают из общенационального контекста, для которого характерно сочетание высокой символической значимости памяти о войне с присутствием дискурса об искажениях прошлого.

Итак, сопоставление с данными ВЦИОМ, ФОМ и Левада-Центра¹¹ подтверждает валидность обнаруженных закономерностей. Студенческая аудитория в целом воспроизводит общероссийские тенденции, но отличается более выраженной критичностью в оценке исторического нарратива.

Заключение (Conclusions).

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Оценка студентами достоверности информации о Великой Отечественной войне складывается под воздействием целого комплекса факторов, однако

ведущую роль среди них играют переменные идентификации – патриотическая самоидентификация и степень интереса к военной истории. Патриотизм работает как когнитивный фильтр: студенты, считающие себя патриотами, в 2,7 раза чаще признают освещение войны объективным.

Школа и вуз сохраняют в глазах молодёжи высокий авторитет и статистически значимо укрепляют доверие к официальной трактовке военных событий. Применительно к историческому знанию тезис о «кризисе институционального доверия» эмпирически не подтверждается. Ряд источников, напротив, значимо подрывает доверие к официальному нарративу: интернет (OR=0,65), художественная литература (OR=0,74), документальные фильмы (OR=0,81) и рассказы родственников (OR=0,81). Общее у этих каналов – способность предложить альтернативные или более многослойные интерпретации военной истории по сравнению с институциональным канонам.

Региональные различия в историческом сознании отражают неодинаковые траектории политической социализации. В Крыму доверие максимально (49,5% считают освещение объективным), тогда как студенты новых регионов обнаруживают наибольшую неопределённость (17,2% затруднились оценить достоверность, 35,8% – справедливость обвинений в адрес СССР). Семейная память о войне влияет на доверие разнонаправленно: хранение реликвий его повышает (OR=1,33), а рассказы родственников – снижают (OR=0,81). Расхождение, по-видимому, объясняется тем, что устные семейные нарративы содержат критические оценки, расходящиеся с официальной версией.

⁹ ФОМ. Память о войне: семейные истории и современные киноленты. URL: <https://fom.ru/Proshloe/15182> (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁰ ФОМ. Великая Отечественная войны – освещение в СМИ и рассказы очевидцев. URL: <https://fom.ru/proshloe/12156> (дата обращения: 15.01.2026).

¹¹ Признан Минюстом России иноагентом.

Факторный анализ позволил выделить три устойчивых типа информационных практик – культурно-образовательный, цифровой и институциональный, – каждый из которых соотносится с определённым модусом коллективной памяти. Восприятие фальсификаций истории у студентов остаётся слабо дифференцированным: 28% не смогли назвать конкретные аспекты, подвергающиеся искажению, а 30,3% затруднились указать причины фальсификаций. «Борьба с фальсификацией истории», судя по этим данным, воспринимается молодёжью скорее как абстрактный лозунг, нежели как содержательно осмысленная задача. Полученные результаты согласуются с данными ведущих социологических служб (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центра, ФНИСЦ РАН) что дополнительно свидетельствует о валидности выявленных закономерностей.

Список литературы

Арутюнова Е. М., Щеголькова Е. Ю. «Россия тут надолго»: восприятие российской идентичности у молодёжи новых регионов (на примере молодёжи ДНР, ЛНР и Запорожской области) // Гуманитарий Юга России. 2026. Том 15, № 1 (77). С. 16-34. DOI: 10.18522/2227-8656.2026.1.1. EDN: FACHXS.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. ISSN 1726-135X. ISBN 5-94457-176-4.

Вишневский Ю. Р., Мансуров В. А., Кульминская А. В. Студенчество о Великой Отечественной войне: результаты федерального исследования Российского общества социологов (2005–2025 гг.) // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 33-46. DOI: 10.31857/S0132162525070043. EDN: GZWLVT.

Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования / Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Синяков А. В., Азаров А. А. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019.

№ 1. С. 228-251.
DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11.
EDN: GGPMUI.

Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. ISBN: 978-5-7996-1472-0. EDN: TVCTZD.

Горшков М. К., Бараш Р. Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй) // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 125-137. DOI: 10.31857/S0132162524090119. EDN: MIDOFQ.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России: социологический портрет. Москва: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований: монография. Москва: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020. ISBN: 978-5-89697-325-6. EDN: BNSNDA.

Гудков Л. Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / под ред. М. Е. Габовича. Москва: НЛЮ, 2005. С. 83-103.

Дубин Б. В. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 68-84. EDN: YRMGHT.

Историческая память о Великой Отечественной войне в процессе социализации студентов Ростовской области (по материалам социологических исследований 2012–2020–2022–2023 гг.): в 2 т. / под общ. ред. В. И. Филоненко. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. Т. 2. 332 с. EDN: NSLHDB.

Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов: монография / М. С. Константинов, С. П. Поцелуев, Т. А. Подшибякина, П. Н. Лукичѳ, Л. Б. Внукова. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. 282 с. DOI: 10.18522/801273594. ISBN: 978-5-9275-3835-5. EDN: FWYLHN.

Культурные универсалии в мировоззренческой парадигме современного российского общества: монография / М. С. Константинов, Е. Ю. Липец, Р. А. Пупыкин, А. В. Тупаев; под общ. ред.

Р. А. Пупыкина. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. 269 с. ISBN: 978-5-9275-4848-4. EDN: FCBJSY.

Лебедев С. Д., Шаповалова И. С., Рошупкина Н. А., Шкапенко А. А. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 3-18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1. EDN: KFEVFG.

Линченко А. А., Трутенко Е. В. Комmemорации сообществ отмены в условиях цифровизации // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 83-100. DOI: 10.17506/26867206_2024_24_3_83. EDN: DEIMXI.

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с. ISBN: 978-5-8243-1952-1. EDN: UIAXZD.

Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1999. С. 17-50.

Память сильнее времени: итоги V волны мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020–2025 гг.): монография / Е. В. Андрианова, Е. В. Ануфриева, А. А. Балясов и др.; под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2025. 592 с. ISBN 978-5-7996-4066-8.

Прошлое для настоящего: история – память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под ред. Л. П. Репиной. Москва: Аквилон, 2020. 464 с. ISBN 978-5-906578-63-1.

Репина Л. П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122-169.

Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности: монография / А. А. Айвазян, Ю. Р. Вишневский, В. А. Ружа [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 312 с. ISBN 978-5-82-95-0072-6.

Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой

Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) / под общей редакцией Ю. Р. Вишневого; Министерство науки и высшего образования РФ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России / Б. Н., Ельцина Российское общество социологов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 352 с. ISBN 978-5-7996-3087-4.

Тошенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-16. EDN: RGEDNB.

Филоненко В. И., Штомпель Л. А., Магранов А. С., Штомпель О. М., Никулина М. А., Ткачев М. В. Великая Отечественная война в представлениях учащихся вузов: формирование российской гражданской идентичности (анализ результатов социологических исследований): монография / под общ. ред. В. И. Филоненко, Л. А. Штомпель, А. С. Магранова. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. 364 с. ISBN: 978-5-9275-1703-9. EDN: VHVRMB.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 40-41 (2-3). С. 8-27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollekti-vnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 28.12.2025).

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. Москва: Новое издательство, 2007. 348 с. ISBN: 978-5-98379-088-9. EDN: QXSOFX.

Шаповалова И. С. Патриотические установки региональной молодежи // Вестник педагогических инноваций. 2016. № 4 (44). С. 47-54. EDN: XDXZXH.

Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // The American Historical Review. 1997. Vol. 102, № 5. Pp. 1386-1403.

Olick J. K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17, № 3. Pp 333-348.

Schatz R. T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // Political Psychology. 1999. Vol. 20, № 1. Pp. 151-174.

Wertsch J. V. Voices of Collective Remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 202 p.

Winter J. Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth

Century. New Haven: Yale University Press, 2006. 337 p.

References

- Arutyunova, E. M., Shchegolkova, E. Yu. (2026), "Russia is here for a long time": perception of Russian identity among youth of new regions (case of DPR, LPR and Zaporizhzhia region)", *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 15 (1), 16-34, DOI: 10.18522/2227-8656.2026.1.1, EDN: FACHXS. (In Russian)
- Assman, J. (2004), *Kulturnaya pamyat: Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity], transl. by Sokolskaya, M. M., *Yazyki slavyanskoy kultury*, Moscow, Russia, ISSN 1726-135X, ISBN 5-94457-176-4. (In Russian)
- Vishnevskiy, Yu. R., Mansurov, V. A., Kulminskaya, A. V. (2025), "Students about WWII: results of a federal study", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (7), 33-46, DOI: 10.31857/S0132162525070043, EDN: GZWLVT. (In Russian)
- Brodovskaya, E. V., Dombrovskaya, A. Yu., Pyrma, R. V., Sinyakov, A. V., Azarov, A. A. (2019), "The impact of digital communications on the formation of professional culture of Russian youth: results of a comprehensive applied study", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, (1), 228-251, DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11, EDN: GGPMUI. (In Russian)
- Voina byla pozavchera... Rossiyskoe studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne: materialy monitoringa «Sovremennoe rossiyskoe studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne»* [The war was the day before yesterday... Russian students on the Great Patriotic War: materials from the monitoring "Modern Russian students on the Great Patriotic War"] (2015), by Y. R. Vishnevsky (ed.), Ural University Publishing House, Yekaterinburg, Russia, ISBN: 978-5-7996-1472-0, EDN: TVCTZD. (In Russian)
- Gorshkov, M. K., Barash, R. E. (2024), "Historical memory of modern Russians (20th century Russian history through family narratives)", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (9), 125-137, DOI: 10.31857/S0132162524090119, EDN: MIDOFQ. (In Russian)
- Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2010), *Molodezh Rossii: sotsiologicheskiy portret* [Youth of Russia: a sociological portrait], Moscow, Russia. (In Russian)
- Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2020), *Molodezh Rossii v zerkale sotsiologii: k itogam mnogoletnikh issledovaniy* [Youth of Russia in the mirror of sociology: results of long-term studies], FNISTS RAN, Moscow, Russia, DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020, ISBN: 978-5-89697-325-6, EDN: BNSNDA. (In Russian)
- Gudkov, L. D. (2005), "Memory" of war and mass identity of Russians, *Pamyat o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory of war 60 years later: Russia, Germany, Europe], by Gabovich, M. E. (ed.), NLO, Moscow, Russia, 83-103. (In Russian)
- Dubin, B. V. (2004), "Bloody" war and "great" victory, *Otechestvennye zapiski*, (5), 68-84, EDN: YRMGHT. (In Russian)
- Istoricheskaya pamyat o Velikoy Otechestvennoy voyne v protsesse sotsializatsii studentov Rostovskoy oblasti* [Historical memory of the Great Patriotic War in the socialization of students of the Rostov region] (2023), by Filonenko, V.I. (ed.), Vol. 2, Southern Federal University Publishing House, Rostov-on-Don; Taganrog, Russia, EDN: NSLHDB. (In Russian)
- Konstantinov, M. S., Potseluev, S. P., Podshibyakina, T. A., Lukichev, P. N., Vnukova, L. B. (2021), *Kognitivno-ideologicheskie matritsy vospriyatiya studentami Yuga Rossii sovremennykh sotsialno-politicheskikh krizisov* [Cognitive-ideological matrices of perception by students of Southern Russia of modern socio-political crises], Southern Federal University Publishing House, Rostov-on-Don; Taganrog, Russia, DOI: 10.18522/801273594, ISBN: 978-5-9275-3835-5, EDN: FWYLHN. (In Russian)
- Konstantinov, M. S., Lipets, E. Yu., Pupykhin, R. A., Tupaev, A. V. (2024), *Kulturnye universalii v mirovozzrencheskoy paradigme sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Cultural universals in the worldview paradigm of modern Russian society], Southern Federal University Publishing House, Rostov-on-Don; Taganrog, Russia, ISBN: 978-5-9275-4848-4, EDN: FCBJSY. (In Russian)
- Lebedev, S. D., Shapovalova, I. S., Roshchupkina, N. A., Shkapenko, A. A. (2020), "Social trauma and generational values: WWII in student memory", *Research Result. Sociology and Management*, 6 (2), 3-18, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1, EDN: KFEVFG. (In Russian)
- Linchenko, A. A., Trutenko, E. V. (2024), "Commemorations of cancellation communities in digital conditions", *Antinomii*, 24 (3), 83-100, DOI: 10.17506/26867206_2024_24_3_83, EDN: DEIMXI. (In Russian)

Malinova, O. Yu. (2015), *Aktualnoe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti* [The usable past: symbolic politics of ruling elites and dilemmas of Russian identity], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-8243-1952-1, EDN: UIAXZD. (In Russian)

Nora, P. (1999), "Between memory and history: lieux de mémoire", *Frantsiya-pamyat* [France-memory], by Nora, P., Ozouf, M., de Puymège, J., Winock, M. (eds.), St. Petersburg University Press, St. Petersburg, Russia, 17-50. (In Russian)

Pamyat silnee vremeni: itogi V volny monitoringa [Memory is stronger than time: results of the 5th wave] (2025), by Vishnevskiy, Yu. R. (ed.) Ural University Press, Ekaterinburg, Russia, ISBN 978-5-7996-4066-8. (In Russian)

Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya – pamyat i narrativy natsionalnoy identichnosti [The past for the present: history, memory and narratives of national identity] (2020), by Repina, L. P. (ed.), Akvilon, Moscow, Russia, ISBN 978–5–906578–63–1. (In Russian)

Repina, L. P. (2005), "Concepts of social and cultural memory in modern historiography", *Fenomen proshlogo* [The phenomenon of the past], by Saveleva I. M., Poletaev A. V. (eds.), HSE Publishing House, Moscow, Russia, 122-169. (In Russian)

Aivazyan, A. A. et al. (2011), *Sovremennoe rossiyskoe studenchestvo: istoricheskaya pamyat o Velikoy Otechestvennoy voyne i formirovanie patriotizma i grazhdanstvennosti: monografiya* [Contemporary Russian Students: Historical Memory of the Great Patriotic War and the Formation of Patriotism and Civic Consciousness: A Monograph], by Y. R. Vishnevsky (ed.), Ural University Publishing House, Yekaterinburg, Russia. (In Russian)

Spasibo pradedu za Pobedu...: monografiya po materialam monitoringa «Rossiyskoe studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne» (2005–2010–2015–2020 gg.) [Thank you to my great-grandfather for the Victory...: a monograph based on the monitoring data "Russian Students on the Great Patriotic War" (2005-2010-2015-2020)] (2022), ed. by Yu. R. Vishnevsky; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University, Russian Society of Sociologists, Ural University Press, Yekaterinburg, Russia, ISBN 978-5-7996-3087-4. (In Russian)

Toshchenko, Zh. T. (2000), "Historical consciousness and historical memory: current state analysis", *Novaya i noveyshaya istoriya*, (4), 3-14, EDN: RGEDNB. (In Russian)

Filonenko, V. I., Shtompel, L. A., Magranov, A. S., Shtompel, O. M., Nikulina, M. A., Tkachev, M. V. (2015), *Velikaya Otechestvennaya vojna v predstavleniyakh uchashchikhsya vuzov: formirovanie rossiyskoy grazhdanskoj identichnosti* [The Great Patriotic War in students perceptions: formation of Russian civic identity], Southern Federal University Publishing House, Rostov-on-Don, Russia, ISBN: 978-5-9275-1703-9, EDN: VHVRMB. (In Russian)

Khalbwachs, M. (2005), "Collective and historical memory", *Neprikosnovenny zapas*, 2-3 (40-41), available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollekti-vnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed 28 December 2025). (In Russian)

Khalbwachs, M. (2007), *Sotsialnye ramki pamyati* [On collective memory], Novoe izdatelstvo, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-98379-088-9, EDN: QXSOFX. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2016), "Patriotic attitudes of regional youth", *Vestnik pedagogicheskikh innovatsiy*, (4(44)), 47-54. EDN: XDZXHX, (In Russian)

Confino, A. (1997), "Collective Memory and Cultural History: Problems of Method", *The American Historical Review*, 102(5), 1386-1403.

Olick, J. K. (1999), "Collective Memory: The Two Cultures", *Sociological Theory*, 17(3), 333-348.

Schatz, R. T., Staub, E., Lavine, H. (1999), "On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism", *Political Psychology*, 20(1), 151-174.

Wertsch, J. V. (2002), *Voices of Collective Remembering*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Winter, J. (2006), *Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth Century*, Yale University Press, New Haven, USA.

Статья поступила в редакцию 05 марта 2026 г. Поступила после доработки 07 апреля 2026 г. Принята к печати 10 апреля 2026 г.
Received 05 March 2026. Revised 07 April 2026.
Accepted 10 April 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Константинов Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростовна-Дону, Россия.

Mikhail S. Konstantinov, Candidate of Political Science, Associate Professor; Associate Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Филоненко Виктор Иванович, доктор социологических наук, доктор социологических наук, профессор Института философии и социально-политических наук, директор Центра социально-политических исследований Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростовна-Дону, Россия.

Viktor I. Filonenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center for Social and Political Research, Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.